

Н. А. Некрасов. По ту сторону хрестоматийного глянца

Многие годы с обложек школьных тетрадей на нас смотрели классики. И среди них Н. А. Некрасов – «печальник горя народного».

Казенное литературоведение относилось к Некрасову с должным уважением. Хотя и журило за непонимание революционной ситуации и связанных с нею процессов.

Роль пролетариата недооценивал. В стратегии классовой борьбы был не вполне силен. И так, по мелочам.

А, в целом, из наших. Из тех, кто всё готовил, пробуждая страну от многовековой спячки.

В творческом плане так оно и было. И радикал. И громогласный рупор.

А вот, как личность, явно не дотягивал до хрестоматийного образа. Нуждался в глянце.

У современников Некрасов имел репутацию литературного кулака и барышника. Многократно, и не без основания, обвинялся в корыстолюбии и плутнях.

Его считали подлым и двуличным.

Звал в бой революционную молодежь и писал хвалебные оды Муравьеву-вешателю.

Бичевал в стихах разврат, чревоугодие и карточную игру. А сам имел ко всему этому выраженную склонность.

Проникновенно писал о тяжелой участи прозябавшего в бедности крестьянства. И был не прочь поживиться за его счет.

Своим поведением Некрасов эпатировал общество. О нем говорили очень плохо.

– Видел ты, писал Герцен Тургеневу, – как «Космос» начинает заголять спину Некрасову, чтобы пороть за воровство и мошенничество

И. Д. Кавелин именовал Некрасова литературным кулаком, гостинодворцем и вором.

Т. Н. Грановский изумлялся, что «мелкий торгаш оказался глубоко и горько чувствующим поэтом».

Помимо поэтического дара Некрасов обладал незаурядными коммерческими способностями. И использовал их, исходя из суровых законов рынка. В их российской, так сказать, модификации.

Кого-то надувал, кого-то обсчитывал. Норовил недоплатить. Что, естественно, обижало пишущую братию. И озлобляло тоже.

Нажив состояние Некрасов, начал широко кутить. Менял дорогих любовниц. По крупному играл в карты. Причем, в отличие от других известных литераторов-картежников, играл удачно.

И одновременно с этим, обличал, звал на бой и плакал. Скорее рыдал. Рыдал по бабьи. Внося в стихи и ритмику, и мотивы народного плача.

Существует точка зрения, что характерная для творчества Некрасова тематика, все эти стоны, рыдания, плачи, касались вещей, которые не так уж его занимали.

Они были, всего лишь, предметом, на который можно было излить тоску.

– Таковы лирики, – писал К. И. Чуковский, наиболее доказательно сформулировавший эту точку зрения, – была бы тоска, а о чём тосковать, от чего тосковать – найдется.

Некрасов, судя по воспоминаниям современников, был подвержен «хандре».

В ту пору, да и сейчас, говоря о «хандре», имеют в виду более или менее выраженные жалобы на плохое настроение и разнообразные болезненные ощущения.

Время от времени из энергичного предприимчивого человека Некрасов превращался в «полутруп».

Невенчанная жена Некрасова Авдотья Панаева сетовала в своих мемуарах:

– Если бы кто-нибудь видел, как он по двое суток лежал у себя в кабинете в страшной хандре, твердя в нервном напряжении, что ему всё опротивело в жизни, а главное, он сам себе опротивел.

Жалобами на хандру, беспросветную тоску, «мрачное состояние духа», различные хворости изобилуют письма Некрасова.

– Поглядываю на потолочные крючки, - написал он как-то Тургеневу.

В таком состоянии Некрасов чуть было не бросился в Волгу. Почти с радостью принимал вызовы на дуэль, настаивая на жестких, с большой вероятностью смертельного исхода, условиях. Рвался в Севастополь на войну и т. д..

Приступы хандры Некрасов связывал с соматическим неблагополучием. Он предполагал, что у него больная печень.

Медицинский анализ многочисленных свидетельств дает основание говорить о двух тяжелых заболеваниях.

Это сведший Некрасова в могилу рак прямой кишки и язва гортани.

Первый диагноз подтвержден патоморфологически и не вызывает сомнения.

Второе заболевание не столь однозначно.

В возрасте 33 лет Некрасов потерял голос. Врачи обнаружили в гортани язву. Долгое время они не могли ни установить вызвавшую её появление причину, ни назначить сколько-нибудь эффективное лечение.

Исцелил Некрасова д-р Шипулинский с помощью втирания ртути.

Судя по характеру лечения и терапевтическому эффекту, подозревался сифилис.

Недоброжелатели поэта высказывались по этому поводу со всей определенностью. Они утверждали, что Некрасов «весь сгнил от разврата с француженками».

Так ли это. Бог весть. В ту пору ртуть применялась достаточно широко. Ею лечили не только сифилис, но и другие венерологические заболевания, так как полагали, что имеют дело с одной болезнью.

Хотя локализация язвы настораживает.

Что же до хандры, то её первые проявления обратили на себя внимание задолго до этого.

По свидетельству Ф. С. Глинки студент Некрасов сутками пролеживал «в своей ипохондрической позе».

Ипохондрическими стенаниями изобилуют письма юного Некрасова сестре.

Белинский сетовал, что апатия 26-летнего Некрасова «дошла до нестерпимой отвратительности».

Притом, что в те довольно длительные промежутки, когда Некрасова оставляли его жалобы, он превращался в энергичного человека. Был и оживленным, и деятельным.

У Некрасова была циклотимия – мягкая форма маниакально-депрессивного психоза. В её рамки укладываются и пресловутая некрасовская «хандра. Его жалобы на тоску, тревогу, плохое настроение, соматическое неблагополучие

Это была его беда и, если стать на позицию Ломброзо, атрибут творчества. Его двигатель.

При этом заболевания, история литературы и искусства знает немало примеров, более или менее продолжительные спады настроения чередуются с всплесками, как эмоциональными, так и творческими.

Наиболее яркое подтверждение – Гоголь.

В отличие от Гоголя заболевание не убило в Некрасове писателя. Хотя, вне всякого сомнения, придало определенный колорит его творчеству и деформировало личность